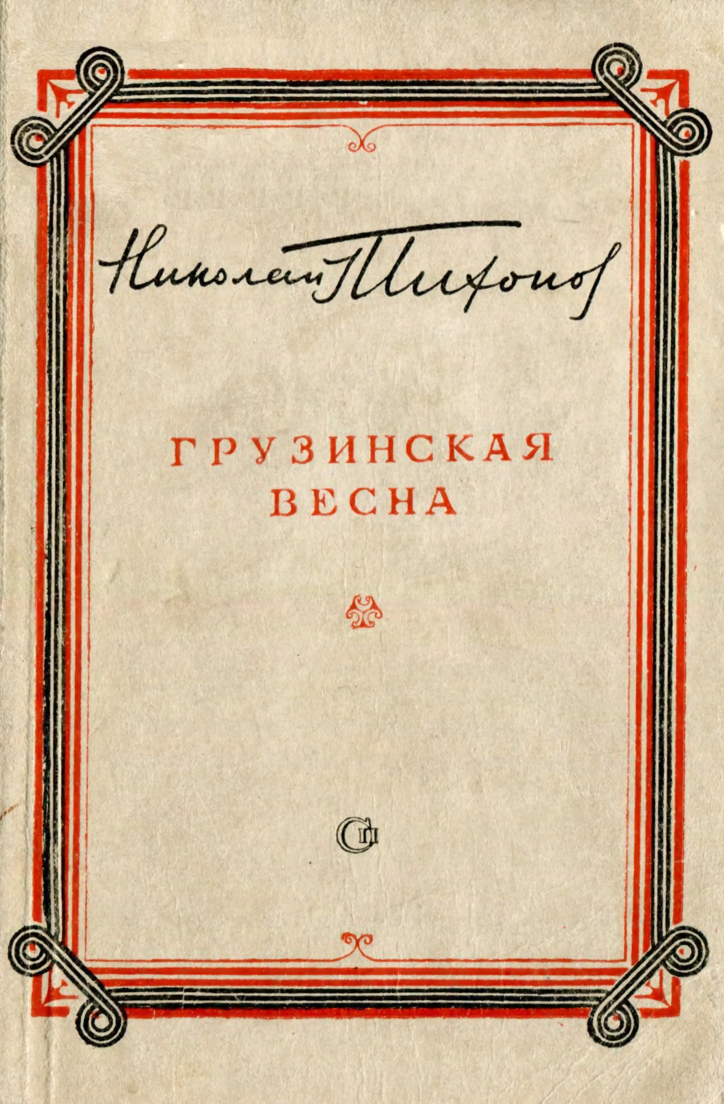

Николай Тихонов
ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

Стихи 1948 года

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1949

ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

МАЙСКОЕ УТРО

Гул лавин как будто снится,
Пролетел и был таков —
Снова Гуд-гора дымится
Тонкой тенью облаков.

Снова встали исполины,
И метель по льдам метет,
Койшаурская долина
Далеко внизу цветет.

Обступают снова скалы,
С перевала даль ясна,
И морозец самый малый
Освежает щеки нам.

Восемь лет я вас не видел —
Ветеранов ледяных.
Встал Казбек и пену вытер
Облаков с усов своих.

Словно хочет целовать он
Снова путника в уста —

И высот меньшую братью
Оглядел он не спроста.

Что вам смены поколений, —
Вот вы смотрите туда,
Где идут к лугам весенним,
Как всегда, идут стада.

Посох движется пастуший
В белой кипени отар,
Ломкий снег скрипит послушно —
Только высь уже не та.

Новым светом лиловеет,
И расцветка неплоха, —
Без погон шинель темнеет
На плечах у пастуха.

Догони — и он расскажет
Про походы все свои,
И про скал карпатских кряжи,
И про венские бои.

Как все вьюги зарыдали
У Казбековых полей,
Как закрыл родные дали
Грудью собственной своей.

Как мечтал он на походе,
Что вернется вот сюда,
Где сейчас стада проводит,
Горд собой, как никогда.

И друзья его такие ж,
Так же весело горды, —

На груди у них увидишь
Пестрых ленточек ряды.

Ты, Казбек ледяноплечий,
Оцени их и пойми,
Что тебе гордиться нечем
Перед этими людьми.

И признайся, не к обиде,
Ты, так взысканный судьбой,
Что таких людей не видел
Никогда перед собой.

И Казбек нам улыбнулся
В гор воинственной толпе,
И Казбек как бы качнулся
К той пастушеской тропе.

Над шинелью той военной
Задышал туманом склон,
Снежной дымкою мгновенной
Пастуха окутал он.

Будто сам Казбек безбрежный
Обнялся с бойцом простым,
Обнялся с приветом нежным —
Снежный маршал высоты.

РУКИ СБОРЩИЦЫ ЧАЯ

Я видел их не на полях сражений, —
То был труда обычного пример —
В колхозе, что не знает поражений,
Который все зовут «миллионер».

Как будто бы играли руки эти
С зелеными листочками, скользя
По веточкам нежней всего на свете.
Лишь смуглоту я этих рук приметил,
Но быстроту их описать нельзя.

Быть может, так вот пальцы пианистки,
По клавишам летая наизусть,
Как ласточки, срезают низко-низко
Мелодии заученную грусть.

И падают, и падают в корзину
Дождем зеленым все на тот же круг
Листочки с легких жилок паутиной,
Как ста ножами срезанные вдруг.

Как ласточки, над темным чайным морем
Летают руки в этой жаркой мгле
Кустов зеленых, спящих на просторс,
На раскаленной добела земле.

И руки те — в Москве ли величавой
Или в ферганской дальней чайхане,—
Я вижу их под солнцем нашей славы,
Их закалившим в трудовом огне.

НА ХРАМГЭСЕ

Жаркой масти, желтогривы,
Кони древности седой
Здесь, на Цалкинских обрывах,
Проносились над рекой.

От бойцов, что в бой летели,
От несметных тех рядов,
Две-три кости уцелели
Да гробницы холодок.

Среди проволок крученых,
Ожерелий из кремня,
Были найдены ученым
Золотые два коня.

Это — крошечные кони,
Но работы не простой:
В золотой они попоне,
Даже с челкой золотой.

И стоят, прижавшись тесно,
Золотой огонь в очах, —
Инженер седой Храмгэса
На ладони их качал.

Перед ним вода синела,
Где вчера под волчий вой
Котловина каменела,
Жестяной звеня травой.

Перед ним жила плотина,
Где вчера неслась река.
Вспомнил путь тоннелей длинных,
Их зеркальные бока.

И, свое прищурив око,
Он сказал: — Сигнал я дам,
Золотые кони тока
Полетят по проводам.

И от их огнистой гривы
Станет людям веселей,
Глаз блеснут их переливы
Среди улиц и полей.

И в Тбилиси я с отвеса
Вижу с Цалкинских высот
Золотых коней Храмгэса
В синих улицах полет.

Золотые наши кони —
Братья этим малышам, —
И малюток на ладони
Он погладил по ушам.

Хорошо сказал строитель,
Сам не ведая того,
Засмеялись тихо кони
На ладони у него.

СНЫ АСПИНДЗЫ

Тяжелых скал изломы,
Река острее бритвы,
Нас секретарь райкома
Привел на поле битвы.

С таким поведал жаром,
Как битва бушевала,
Как будто в битве старой
Он сам был генералом.

Ущелье, что лежало
Налево и направо,
Вдруг сразу задышало
Аспиндзы днем кровавым.

Мы видели так живо,
Как топчут виноградник,
Как падают с обрыва
В Куру и конь и всадник.

...А ночью месяц вышел
Атласно-золотистый,

Кура шумела тише,
Светясь сквозь сумрак мглистый.

Над башнями Хертвиси,
Отвесом черным Тмогви
Шел тихий месяц в высях,
Над всех руин безмолвьем.

На бревна мы, как дома,
У садика присели;
С секретарем райкома
Беседа шла о севе,

О нивах горных тесных,
О новой коз породе,
О всем, что повсеместно
В районе производят.

И он сказал: — В пещерном
Вардзийском древнем граде
Вы вспомнили, наверно,
О древнем винограде.

На фресках нарисован,
Погиб в столетьях старых,
А мы поднимем снова
Тот виноград Тамары.

И через год мы с вами
Вином наполним роги...

...Шел месяц с облаками
Ущельем этим строгим.

Мне снились все́ сраженья,
Что были здесь когда-то,
Все войск передвиженья,
Все кони и солдаты.

С секретарем райкома
Века стояли рядом,
Вся ярость битв знакомых
Шла по реке за садом.

Строитель он и воин,
Ему покой не снится.
Он помнит: за рекою
Опять лежит граница.

И дышит по ущелью
Такой тревожный ветер,
Как в смотровые щели
Пред боем на рассвете [1].

[1] В битве при Аспиндзе в 1770 году грузинский царь Ираклий разбил полчища турок. Тмогви и Хертвиси — древние крепости в том же ущелье. Вардзиа — пещерный город царицы Тамары. Аспиндзское ущелье — ущелье непрерывных битв в старину, путь вторжений иноземных захватчиков.

ДОМИК В ГОРИ

Не раз уже видел его я,
По-новому в каждый приход
В своем величавом покое
Тот маленький домик встает.

В нем нет никакой перемены,
Но с новым волненьем опять
Смотрю на суровые стены,
Чтоб заново жизнь осязать.

Вновь пить из такого ж кувшина
Железную воду Куры,
Грядущего видеть вершину
В сияньи далекой горы.

Смотри — по ступенькам хрустящим,
С загаром обветренных щек,
Сбегает восторженный мальчик,
Неведомый миру еще.

И всеми глубин голосами
Ему отвечает земля,

Восходят огни над лесами,
Как близкие звезды Кремля.

Как будто здесь сердце вверяешь
Рукам дорогим и родным,
Себя до конца проверяешь
Пред домиком этим простым.

По кругу дорог быстротечных
Вернувшись на этот порог,
Услышишь, как плещется вечность,
Как звездное море у ног.

УМИРАЮЩИЙ БАМБУК

Бамбук умирает, —
    Приходит черед и бамбуку,
И он зацветает
    Раз в жизни — на скорую руку.

И желтых цветов этих
    Переплетенья —
Ничем не согреть их,
    Подернутых тенью.

А розы — как пламя,
    Ликуют самшиты,
И тунга цветы как шелками
    Расшиты.

Бамбук засыпает
    И видит в неведомом сне,
Как лес проступает
    В тяжелых снегов белизне.

Зарницы дрожат
    На высоком чужом берегу,
Две палки бамбука лежат
    На снегу.

Они умирают,
    Припав к белоснежной земле,
Они зацветают,
    Но цвет их заката алей.

Здесь лыжник покинул
    Ему предназначенный путь,
Он руки раскинул,
    Как будто прилег отдохнуть.

Недвижно лежит,
    И слышится смутно ему,
Как Черное море
    Шумит через белую тьму.

РУСТАВИ

На безжизненной равнине,
Каменистой, темнотравной,
Где рассыпаны осколки
Безымянные веков,
В майский день вошли мне в душу
И остались навсегда в ней
Этот хруст камнедробилок,
Эта пересыпь гудков.

Перестук скользящих кранов,
Стены, точные, как скалы,
Тяжкий храп землечерпалок,
Паровозов синий дым, —
Это Грузия бетона,
Это Грузия металла
Воздвигала свой Рустави,
Поднимаясь вместе с ним.

Силачами встали в поле
Мачты дальней передачи,
В сизом мареве терялись
Плеч их черные края.

Над страною виноградной,
Над холмов красой горячей
Первых домен и мартенов
Очертанья видел я.

Новой, красной черепицей
Город пел о переменах,
И вбежали рощи смело
На пустынные бугры,
Где шипели брызги пены
У быков тяжелостенных,
Падал светлый дождь весенний
В воду темную Куры.

То, что здесь я вижу сердцем,
Станет видимо воочью:
Сталь руставская польется,
Вспыхнув огненной рекой,
И шофер проезжим скажет,
Степь срезая темной ночью:
— Это светится Рустави! —
И покажет вдаль рукой.

Как бывалые солдаты
Опытом своим делиться
Собираются и снова
Все бои переберут, —
Здесь собрались ветераны —
Ими Грузия гордится,
Те, что строили Ткварчели,
Рионгэса знали труд.

Что смиряли силу Храми,
Одичавшую волчицу,

От Тбилиси до Самтреди
Проводили провода,
Доты ставили над бездной,
Там, где лом в гранит
стучится, —
На Военной на Грузинской,
Когда к ней пришла беда.

Дружбой сталинской народов
Здесь равнина засверкала,
Ночь истории пробили
Эти люди и огни.
К мастерам пришли грузинским
Мастера высот Урала,
Те, что знали дни Тагила
И челябинские дни.

Пусть прольются светлым ливнем
Мая шелковые тучи,
А у братьев у казахов
Поговорка есть одна:
«Если хочешь великана
Ты родить благополучно, —
Не жалей же на пеленки
Дорогого полотна».

И сейчас, когда равнина
Вся гремит и вся бряцает,
В этот майский, бирюзовый,
Вдохновенный этот час,
Видим мы тебя, Рустави,
И невольно восклицаем:
— При рожденьи великана
Мы присутствуем сейчас!

КАДА

Похожая на скатерть-самобранку
Поляна. Небо. Горные края.
И выпил я за женщину-крестьянку,
В колхозный вечер стоя выпил я.

Не потому я пил за незнакомый,
Печальный, добрый взгляд,
Что было здесь мне радостно, как дома,
Иль весело, как двадцать лет назад.

Не потому, что женщина вдовою
Бойца была и муж ее зарыт
В обугленной дубраве над Невою,
И сыну мать об этом говорит.

Не потому, что, бросив хворост наземь,
Ответила улыбкою одной
И в дом ушла, и вынесла, как в праздник,
Печенье, что белело под луной.

Нет, я смотрел на ломтики витые,
Что по-грузински «када» мы зовем, —

Вернулись мне рассветы боевые,
В неповторимом городе моем.

...Мешочек тот был невелик и ярок —
И на ладони када у меня.
Кто мне прислал тот фронтовой подарок
На край земли, на линию огня?

Шатаясь от усталости, лишь к ночи
Вернувшись с поля, может быть, она,
Склонив над ним заплаканные очи,
Сидела молчаливо у окна.

Чтоб в ночь осады, в этой тьме кромешной,
Мне просиял ее далекий зов,
Привет земли, такой родной и вешней,
Грузинским солнцем полный до краев.

...Мне завтра в путь, в работу
спозаранку.
Темнеют неба дальние края.
Вот почему за женщину-крестьянку
В колхозный вечер стоя выпил я.

ПЕСНЯ О ДРУЖБЕ

Шел боец хребтом Кавказским,
Через льды и тучи,
По снегам глухим и вязким,
По недобрым кручам.

Повисал он на веревке,
Бездны презирая,
Знал свирепые ночевки —
Хуже не бывает.

Чтоб не спать — шептал он сказку,
Карауля немца,
На снегу пускался в пляску,
Только чтоб согреться.

А на отдыхе коротком,
Чтобы уважали,
Пел абхазским он молодкам
Песни об Урале.

— Скоро ль немца мы погоним? —
Отвечал он: — Скоро!
— Как вы в горной обороне:
Вам по нраву горы?

— Географья — как на блюдце, —
Отвечал он сжато, —
Но чудно места зовутся —
Помнить трудновато...

Он грузинским — удивитесь —
Научился песням,
Был дружок его — тбилисец,
Был его ровесник.

Так провел в горах он осень,
Вьюги уж клубили —
И с хребта он немца сбросил,
А дружка убили.

— Где работал он? — В Рустави...
— Это что такое?
— Там завод огромный ставим,
Дело боевое...

— Мы, уральцы, дело любим, —
Он сказал степенно. —
Как войне башку отрубим,
Я вернусь — заменой.

То, что друг мой верный начал,
За него докончу... —
И пошел в боях маячить,
Драться днем и ночью.

Где он только не был с боем,
Где бивак не ставил...
Но вчера нашел его я
Техником в Рустави.

ПЕРЕД НОЧНОЙ АРАГВОЙ

Был час ночной и поздний,
Для меня
Желтел фонарь колхозный
На камнях.

Вода плясала
В свете фонаря,
Моим глазам немало
Говоря.

Как будто в пенах,
Вихрях водяных
Мелькали смены
Быстрых дней моих.

Топя их враз
В холодной быстрине,
Стальной рассказ
Река кидала мне.

От строк шумящих
Глаз отвесть не мог,
От тех летящих,
Леденящих строк.

Их голос плыл
И в уши грохотал:
— Какой ты был,
Каким теперь ты стал...

Смотрел в меня,
В Арагву, ты тогда
При свете дня —
В те юности года.

Смотри ж сейчас,
Мы вместе и одни —
В полночный час
В седой поток взгляни...

Торчали камни,
И по их плечам
Стекали славно
Струи, клокоча.

Я камнем не был,
Волнами тесним,
И, видит небо, —
Я не буду им.

Фонарь сиял,
Жестоко обнажив
Зеленый шквал
И всплески, как ножи.

Сверкали искры
В свете фонаря,
Как будто освещала их
Заря.

И каждая жила
В огне волны,
Как будто шла
Из самой глубины,

Пронзая ночь
И ночи непокой...
Я был, Арагва,
Искрою такой!

СТИХИ

О ТБИЛИСИ

* * *

Что там ни говори,
А есть места на свете,
Где смотришь, как с горы,
А день особо светел.

Таков, Тбилиси, ты,
Тут не в соблазнах дело —
А в чувстве простоты,
Душевной до предела.

В словах, что будут жечь,
Испепелившись даже,
И в щедрой смене встреч,
Чей след на сердце ляжет.

И в верности такой,
Что все ничто пред нею,
Когда уж не рукой,
А жизнью жертвуй всею.

* * *

А сколько, Тбилиси, тебя воспевало,
Стакан осушая до дна.
Прибавь к этим сонмам великих и малых
Еще одного, старина!

Не буду с тобой совещаться о деле
И славить иль в честь твою
пить, —
Я просто люблю на проспект Руставели
Без всяких забот выходить.

Смешаться с толпою тбилисцев и с ними
Пойти по знакомым следам,
Где, может быть, встречу далекое имя
И вновь его сердцу отдам.

Увижу я там, в переулках гадая,
Пройти — не пройти мне по ним;
Грузинка сидит на окне молодая,
Беседуя с другом своим.

Взгляну и сойду переулком негладким,
По тихой Судебной потом.

Я вижу, что все в этом мире в порядке,
В вечернем, тбилисском, большом.

А в комнате ночью ко мне на свиданье,
Все стулья заняв и кровать,
Сойдутся все прошлые воспоминанья
Тбилисскую ночь коротать.

Мы плакать не будем, смеяться не будем
Мы просто поговорим
О том, что всегда вспоминается людям,
Когда не до отдыха им.

* * *

Над Тбилиси шум рабочий,
Он с утра над головой,
И смолкает только к ночи
Этот грохот трудовой.

Ты сегодня, как столица,
Еще краше, чем вчера,
И с тобою не сравнится
Ни Багдад, ни Тегеран.

Если б ты Багдад увидел,
Этот рабства пыльный ад,
Ты заплакал бы в обиде
За униженный Багдад.

Чтоб ты видел в Тегеране?
В лязге денег и оков
Он живет, как бы в дурмане,
Под надзором чужаков.

Ты же, вольный и красивый,
Всей страны любимый сын,

Дети пишут здесь курсивом:
«Я — советский гражданин!»

Ты врезаешься с разбега
В степь и в горы над Курой,
Город сталинского века,
Новой доблести герой.

Через всех хребтов громаду
Светит, взрезав ночи мрак,
Тегерану и Багдаду
Большевистский твой маяк!

* * *

Мне кажется, что я встречался с ним
Уже не раз: на Рионгэсе или
В Тквибульских шахтах, с крепким,
молодым,
Которого все знали и любили.

Или его я видел стороной,
В полях колхозных юга Алазани,
Иль он промчался нынче предо мной
Средь комсомольцев в конских состязаньях.

Или в горах сванетских привелось
Однажды нам палатки ставить рядом,
Или на Красной площади, как гость,
Он любовался юности парадом.

А может быть, мелькнуло мне в пургу
Его лицо под белым капюшоном,
В окопах где-то или на снегу,
Пороховой пыльцой запорошенном.

Не помню я, — но этот взгляд прямой,
Но легкий шаг, развернутые плечи

Встречаю я, когда иду домой
На улицах тбилисских каждый вечер.

Но не было всего, что написал, —
Его не встретить никакой порою:
Он крепко врос в высокий пьедестал
В большом саду над старою Курою.

Борис Дзеладзе... он из первых тех,
Из комсомольцев Грузии Советской,
Он вышел в битву рано, раньше всех,
Со львиной страстью и душою детской.

И смотрит он на город с высоты
Тех ранних лет, чей подвиг тяжкий поднял.
Не потому ль ловлю его черты
Я в комсомольском племени сегодня?

РАДУГА
В САГУРАМО

РАДУГА В САГУРАМО

Она стояла в двух шагах,
Та радуга двойная,
Как мост на сказочных быках,
Друзей соединяя.

И золотистый дождь кипел
Среди листвы багряной,
И каждый лист дрожал и пел,
От слез веселых пьяный.

В избытке счастья облака
К горам прижались грудью,
Арагвы светлая рука
Тянулась жадно к людям.

А гром за Гори уходил,
Там небо лиловело,
Всей пестротой фазаньих крыл
Земли светилось тело.

И этот свет все рос и рос,
Был радугой украшен,
От сердца к сердцу строя мост
Великой дружбы нашей.

* * *

Ломаются и хрипнут голоса,
И новые идут на смену им.
Теперь не разберусь уже и сам,
Принадлежу я к голосам каким.

Оставшись войн великих ветераном,
К спокойному не склонен рубежу, —
И лишь пахнет в лицо мне ветер ранний —
Я в новый путь веселый выхожу.

И хочется еще мне говорить
О зареве, бегущем невской льдиной,
И о пожаре медленной зари
Над мирною Мухранскою долиной.

Они со мной — походный мой мешок
И сапоги с подкованной подошвой,
Чтобы стихам шагалось хорошо
В большом пути под самой трудной ношей.

И в тихом Сагурамо я живу,
Как будто бы в блаженном сне богатом,

Лишь потому, что грозно наяву
Я слышу грома дальнего раскаты.

И стих встает к оружью, как солдат.
Проспавший ночь у друга на биваке
Под крышей — и встающий снова в ряд
Для боевой, для яростной атаки!

НА ГОРЕ ЗЕДАЗЕНИ

Желтый лес, синий снег,
Новый снег — вчерашний,
Как уснувший печенег —
Крепостная башня.

Красный светится кизил
В золоте осеннем,
А по снегу заскользил
Свежий след олений.

Весь наполнен солнцем лес,
Будто снова лето,
Далеко внизу — Загэс,
Под ногами — Мцхета.

Грузия внизу плывет
Сказочным рассказом,
И времен водоворот
Можешь видеть глазом.

Даже года времена
Здесь смешались тоже,

Голубая крутизна
На стихи похожа.

Это песня — не гора,
Эти строки — склоны,
Эти тропы серебра,
Этот лес червонный!

* * *

Сандро Шаншиашвили

Представить не могу Кахетии
Я без стихов Шаншиашвили,
В какое славное столетие
С какой землей они дружили!

Он все такой же — крепкой поступью
Идет, как в годы молодые,
Над Алазани пенной россыпью,
Каким узнал его впервые.

Среди народа в праздник попросту
Еще ворваться может в танец
И в дом с большой вязанкой хворосту
Войти, как истинный джуганец.

И, сидя с ним за чашкой глиняной,
Вино пригубливая красное,
Я удивляюсь, сколько именно
Он знает истинно прекрасного.

Он знает нравы и обычаи,
Общегрузинские, джуганские,
И песни, полные величия,
И сказы острые крестьянские.

То нежным может быть, то жалостным,
То, расстегнувши пояс узкий,
Взметнется, захохочет яростно,
Как дух из сказки чиаурской.

А в ночи те, что в память врезаны,
О, сколько им в стихах поведано
О судьбах родины истерзанной,
Несчетно проданной и преданной.

Чтоб вслед ночам таким, на смену им,
Актеры, как свое, как близкое,
Играли нам дела Арсеновы,
Иль повесть доблести — Крцанисскую.

А там в стихах, как ястреб, клюнувши
Добычу слету стихотворную,
Споет о девушке и юноше,
Про силу страсти неповторную.

А там в стихах, где поле клонится,
С войной соседя исполинскою,
Споет про мать земли — колхозницу
С ее семьею кахетинскою.

И если б не было Кахетии
С ее просторами сердечными,
Ее придумал бы, чтоб петь ее
И пить ее здоровье вечное!

ЦХНЕТИ ОСЕНЬЮ 1939 ГОДА

Заря через сумрак рассветный,
Как розовый кралась олень,
Являлся потом многоцветный,
Стихами пронизанный день.

И, правды стиха не унизив,
Природа вставала над ней,
Над шквалами строф Леонидзе
Всей песенной силой своей.

Как будто хотела потоком
Листвы золотого дождя,
Дополнить в раздумьи глубоком
Поэму о детстве вождя.

И дети шумели, как листья
На Цхнетской поляне цветной,
И строк виноградные кисти
Темнели передо мной.

Две девочки в синем резвились
Под звонкие звуки зурны,

Которые к нам доносились
Из сельской большой тишины.

А ночью тревожно веселой
Под нами роились они —
Червонного золота пчелы —
Ночного Тбилиси огни.

...Над каменным горным народом
Лег мертвый, свинцовый закат,
В тот час почтальон мимоходом
Сказал нам: — Варшаву бомбят.

И Цхнети поплыло куда-то,
Оставив лишь в памяти свет
Листвы золотистой заката,
Стиха, просверкавшего вслед!

АБХАЗСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Впадавшую в море увидел ее,
Гумисту, текущую плавно,
К ногам положила мне сердце свое
Из крепкого, смуглого камня.

Другого не может и быть у реки,
Рожденной на каменном ложе
И с детства зажатой в такие тиски,
Что вспомнить без гнева не может.

А горы, что шли, громоздясь, над рекой,—
Громадою леса покрыты,
И сердце зеленой громады такой
Из лучшего было самшита.

А ле́са повыше, за Бзыбским хребтом,
Взобравшись на каменный ворох,
Стоят, с головою покрытые льдом,
Совсем бессердечные горы.

От края до края отсюда видны
Абхазские выси и долы,

И пенистый взмет черноморской волны,
И свет винограда веселый.

Сады и поля и дороги струна...
Гляжу — не могу наглядеться, —
И все это вместе согрето сполна
Большим человеческим сердцем!

САНЧАРСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Высоко в небе над Абхазией —
Санчарский перевал,
Там путник разве что с оказией
Случайно побывал.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И он — ничем не примечательный
Тот каменистый вал —
Стал местом битвы замечательной —
Санчарский перевал.

Здесь враг хотел пробиться в Грузию
Кратчайшей из дорог,
Огня и камня грозный узел он
Перерубить не мог.

Здесь пушки скатывались в пропасти,
Сорвав лавины ком,

Здесь альпинист делился доблестью
С бывалым моряком.

И вихрь, как чернь орлиных перьев,
Дым битвы уносил,
Отсюда рапортовал Берия
Вождю советских сил,

Что с перевала враг подкошенный
Сметен в снегов провал...
И Сталин видел в небо брошенный
Санчарский перевал.

В крови, осколками изрезанный,
Размолотый, пустой...
Плывет сегодня синь небесная
Санчарской высотой.

Туда ведут лишь тропы узкие,
Опасные в ночи,
По ним текут туманы тусклые
И горные ключи.

И только крыльев тень орлиная,
Ложась на перевал,
Напомнит жителю долинному
О битве между скал.

Да где-то карта есть с названием,
Что Сталин называл,
Да где-то есть воспоминание:
Санчарский перевал!

ГОРЫ

Горы Кавказские для меня священны...

М. Лермонтов

* * *

Я знаю Грузию такую
И в сердце строго берегу, —
Лавины громкие ликуют
И туры скачут на снегу.

Гремят алмазные потоки,
А над зеленым миром всем
Ступени льдов висят, как строки
Застывших в воздухе поэм.

Ночлеги в башнях, ужин скромный
На этой царственной земле,
Я спал под сводом полутемным
И снов не видел веселей.

КИРОВ НА КАЗБЕКЕ

1

Сначала это был
Скалистый гребень,
В тумане плыл,
Как будто таял в небе.

Весь бурями истесанный
    И серый,
Меж безднами-откосами
    Висел он.

А над виском
    Утесов острых смесь, —
Чуть не ползком
    По этим плитам лезь.

Вдруг, как во сне,
Туманы размело,
Нога на снег
Ступила тяжело.

2

Шли через плечи
Волны облаков,

И солнцу жечь их
Было нелегко.

Его лучи, врезаясь
В белый ад,
В нем таяли, сражаясь
Наугад.

Вокруг вершины, будто
Корабли,
Всплывали круто,
На волнах росли

И шли ко дну,
Распавшись на куски,
В ту белизну,
Где не видать ни зги.

А надо всем —
Оледенелый гром, —
Стоял Казбек,
Светясь на голубом.

3

Лег фирн вокруг. . .
Глубокий, мягкий снег. . .
Лишь сердца стук
В великой тишине.

И смотрит ширь
Сейчас не на зарю, —
Как богатырь
Идет к богатырю.

Все медленнее, тише
Каждый шаг,
И легкий слышен
Тонкий звон в ушах.

То словно
Колокольчики снегов
Звенят неровно,
Счет ведя шагов.

Уперлись в лед,
В зеленую кору,
И вот уж в ход
Пускают ледоруб.

И он звенит
По каменному льду,
Он говорит:
— Взойду! Взойду! Взойду!

Не сокрушить их,
Вихрю — не смести,
Уже вершина,
Дальше нет пути!

4

Снежок, пыля,
Летит в ущелий дым,
Какой земля
Раскрылась перед ним?

Встает Эльбрус,
Весь залитый огнем,

Как будто куст
Костров горит на нем.

Дыхтау с Ушбой
Выше облаков
Клянутся дружбой
Вечных кунаков.

А там как будто
Кто-то разорвал
И в снег окутал
Стены пестрых скал.

Какая мощь в их пламенных
Тонах,
Какая легкость в каменных
Волнах!

И мастер не найдет,
Чем передать
Такой полет,
Такую благодать!

Ты станешь снег
в восторге целовать,
О человек!
Могу тебя понять!

5

И чувств не счесть,
И как свободен я, —

Я вижу здесь,
Как радостна земля.

В степях за Балтой
Нити рек, дорог, —
Владикавказ! Как мал ты,
Как далек!

Ты будешь гордым городом,
Когда
Взойдет свободы гордая
Звезда.

И большевик
Все миру в дар отдаст,
От мудрых книг
До всех земных богатств.

И станет мир,
Как с этой высоты,
Неповторим —
Его увидишь ты.

Сквозь кровь и тьму,
Сквозь всех сражений дым,
Взойдем к нему,
Когда мы победим! [1]

[1] В основу этого стихотворения положено подлинное описание восхождения Сергея Мироновича на Казбек (9 августа 1910 года), опубликованное в газете «Терек» № 3815, от 2 сентября 1910 года.

* * *

В Бечо меня голод замучил,
Тонул я однажды в Чанчахи,
Срывался со скал я, где тучи
Чернее, чем горцев папахи.

Град бил меня на Ахмангане,
Метель леденила Твибера.
Во льдах, под дождем и в тумане
Своей не утратил я веры

В блаженство путей этих малых,
Сказали б: пусть все повторится —
Готов повторить все с начала,
Чтоб снова горам удивиться.

АЛЕКСАНДРА ДЖАПАРИДЗЕ НА УШБЕ

Когда предо мною осколки луны
На снежниках станут дробиться,
На выступе Красной Ушбинской стены
Я вижу: стоит Джапаридзе.

Привязана, клинья забиты в скалу,
Веревка натянута крепко.
Над нею стена убегает во мглу,
А горы — как мертвые слепки.

— Прошу вас, исполните просьбу мою, —
Сказала, одета закатом. —
На выступе этом я ночь простою,
Смотрите, друзья мои, брат мой:

Тут всем даже стоя нельзя ночевать,
К подножью стены вы спуститесь,
Чтоб завтра к вершине наш путь
продолжать,
За мной на заре возвратитесь.

...И длинная горная ночь потекла,
Заполнила пропасти тьмою,

Потом из небес голубого стекла
Она засияла луною.

И горы вдруг легкие, как миражи,
Поднялись воздушной громадой,
Всю тяжесть дневную свою положив
В разорванный ад ледопадов.

Как будто впервые увидев луну,
Все в мире нагорном молчало.
Лишь где-то далеко дробил тишину
Обрывистый выстрел обвала.

Потом все смешалось за дымкою сна,
И Ушбы не стало на свете.
Явились леса и бугры, и весна,
И маленький дом в Имеретии.

И братья боролись шутя на лугу,
Симон поскользнулся пред нею,
Разбитый лежал ледоруб на снегу,
И мать была снега белее.

Зовет Александру. Очнулась она:
Стоит над провалом бездонным,
А ночи стеклянная голубизна
Сменилась уж темнозеленой.

И льдинки, как слезы, в ручей серебра
Стекают, сжимаясь от муки,
И на плечи ей положила гора
Гранитного холода руки.

И братья боролись шутя на снегу.
Сказала Симону с досадой:

— Симон, я Алешу сейчас берегу,
Не трогай Алешу, не надо.

И снова текут бесконечно часы,
А Грузии снится впервые такое,
Что женщина новой грузинской красы
Стоит над страною ночною.

Тут ветер колючий ударил в висок,
Рассветные шорохи поднял,
Со старой стены обветшалый кусок
Слетел, грохоча, в преисподню.

И, легкость ночную оставить спеша,
Чуть небо зарей заблистало,
Из ночи вершин возвращалась душа
И плотью опять обрастала.

И первых лавин зашуршали дымки,
Как вздохи проснувшихся рано,
Под первым лучом, золотящим виски,
Встающих от сна великанов.

Глядит Александра уже не во сне:
Мир ясен и грозно рассчитан.
И четкость такая в зеркальной стене,
Что каждую видно морщину.

По этой стене она все же пройдет, —
Пусть всеми отвесами блещет, —
И первая женщина вступит на лед
Вершины ушбинской зловещей.

Лишь вверх альпинисту дорога одна,
И эти дороги умножь ты,

А жизнь — не такая ли точно стена,
Которую штурмом берешь ты?

И слышны ей снизу друзей голоса,
И ветер какой-то хороший,
А вот и Алеша уж к ней поднялся.
— Прекрасное утро, Алеша! [1]

---

[1] Александра Джапаридзе — заслуженный мастер спорта, принадлежит к семье выдающихся советских альпинистов. Симон Джапаридзе погиб на Тетнульде в 1929 году, Алеша Джапаридзе, участник Великой Отечественной войны, погиб на Ушбе несколько лет назад.

В 1934 году Александра вместе с Алешей, Ягором Казаликашвили и Гио Нигуриани совершили первое советское восхождение на Ушбу. При штурме западной стены Ушбы, преодолевая очень большие трудности, они при наступлении темноты стояли перед выбором: или ночевать на самой стене, что было невозможно для всех, или спуститься к ее подножью, теряя все завоеванное днем пространство. Александра предложила им спуститься, а сама осталась ночевать на стене. Как писал в своей книге «Ушба» Алеша: «Александра являлась как бы залогом, который заранее исключал всякую возможность появления каких бы то ни было сомнений и колебаний и делал обязательной для нас попытку восхождения на следующий день. Путь к отступлению был отрезан...»

Таким образом Александра провела ночь, привязанная к двум, вбитым в скалу клиньям, и на другой день поднялась на вершину — первая женщина на мрачной вершине Ушбы, одной из самых недоступных на Кавказе.

НЕИЗВЕСТНОМУ ТОВАРИЩУ

Придут далекие года,
Настанет вновь весна,
Слетят со скал обломки льда,
И лес проснется, как всегда,
Рекой пройдет волна.

Товарищ неизвестный мой,
С корой сожженных губ,
Пойдет на кручи, как домой,
Сжимая ледоруб.

Взойдет в безмолвие снегов —
Пусть ноша нелегка,
Затянет он веревку вновь
Узлом проводника.

Его охватит радость гор,
Что знали я и ты,
Он снова разожжет костер,
Спустившись с высоты.

И вспомнит он всех тех других,
    Сидевших у огня,
И выпьет он за память их,
    И значит — за меня.

Он чмокнет сладко языком,
Своим довольный днем,
Грузинским капнет он вином
На черствый хлеб потом.

И спросит девушка: — Зачем,
Вино на хлеб он льет? —
Он объяснит ей без речей,
Что по-грузински пьет,

Что завтра рано им вставать,
Что ждут их гребни скал...
Им будет мир принадлежать,
Как нам принадлежал!

1948

СОДЕРЖАНИЕ

ГРУЗИНСКАЯ ВЕСНА

СТИХИ О ТБИЛИСИ

РАДУГА В САГУРАМО

ГОРЫ

Редактор А. Тарасенков

Художник Г. Кравцов. Технический редактор Р. Сквирская. Подписано к печати 26/II-49 г. А 00861. Печ. л. 2¼. Уч.-изд. л. 2,28. Авт. л. 2,12. Тираж 10 000. Цена 2 р. 50 к. Зак. № 1719 Типография № 3 Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета

2 р. 50 к.